

Вячеслав Бакулин

Короче, все умерли

Метро

Вячеслав Бакулин
Короче, все умерли

«Автор»

2015

Бакулин В.

Короче, все умерли / В. Бакулин — «Автор», 2015 — (Метро)

«„Четыреста пятидесятый“ – так зовут это место дозорные. Четыреста пятьдесят долгих, как память о прошлом, метров до дома. Света. Жизни. Всего четыреста пятьдесят. Целых четыреста пятьдесят. Еще полсотни метров на север во мраке туннеля – и покажется облезлый пограничный столб, отмечающий конец владений ВДНХ. А дальше... дальше не отваживаются ездить даже патрули на мотодрезинах с тяжелыми пулеметами. Здесь всегда темно и тихо, но эта тишина коварна и обманчива. А еще любой звук в ней кажется куда громче и тревожнее тем, для кого Вселенная сузилась до бетонных сводов Московского метро. Стук капель воды... Неясный шорох... Далекий лязг металла... Шаги...»

© Бакулин В., 2015

© Автор, 2015

Вячеслав Шторм

Короче, все умерли

«Четыреста пятидесятый» – так зовут это место дозорные. Четыреста пятьдесят долгих, как память о прошлом, метров до дома. Света. Жизни. Всего четыреста пятьдесят. Целых четыреста пятьдесят. Еще полсотни метров на север во мраке туннеля – и покажется облезлый пограничный столб, отмечающий конец владений ВДНХ. А дальше... дальше не отваживаются ездить даже патрули на мотодрезинах с тяжелыми пулеметами.

Здесь всегда темно и тихо, но эта тишина коварна и обманчива. А еще любой звук в ней кажется куда громче и тревожнее тем, для кого Вселенная сузилась до бетонных сводов Московского метро.

Стук капель воды...

Неясный шорох...

Далекий лязг металла...

Шаги...

Артём сидит на ящике, поставив автомат между коленей, и, не мигая, смотрит в костер. В промозглой темноте, окружающей «четыреста пятидесятый», этот единственный источник света кажется таким слабым и ненадежным. Будто не он разгоняет окружающий дозорных мрак туннеля, а наоборот, тьма лениво облизывает невысокие язычки огня тяжелым, холодным, влажным языком. Безжалостно вытягивает тепло из угля и человеческих тел.

Бррр!

Против воли поёжившись и плотнее запахнув ворот куртки, паренек смотрит на второго дозорного, сидящего напротив – голова склонена, локоть правой руки стоит на колене, кулак подпирает плохо выбритую щеку. Как видно, напарник задремал, что и немудрено – «собачья» вахта в самом разгаре. Хотя здесь, в туннелях, никогда нельзя с уверенностью сказать, день сейчас или ночь. Особенно когда такая тишина, как сейчас. Тишина...

Внезапно Артём осознает, что не слышит обычного тихого посвистывания, сопровождающего сон товарища.

– Пётр Андреевич! – шепчет он, подавшись вперед и напрягая слух.

Тишина. Кроме гулко-го буханья крови в ушах и шипения, с которым огонь выдавливает влагу из сырых досок в костре, не слышно ни-че-го. Кажется, старший не дышит.

Паренек холодеет.

– Пётр Андреич! – он вскакивает с места, совсем позабыв об автомате. «Калаш» падает, громко лязгнув о бетон.

– А? Что? Стоять!

От облегчения Артёму хочется рассмеяться.

– Да я это, Пётр Андреевич. Я! Задремали вы...

Со щелчком переводя предохранитель автомата обратно в верхнее положение, старший откладывает оружие, трет кулаками глаза, потом с хрустом потягивается и смачно зевает.

– Ох, разморило! Молодец, что разбудил. Ну как проверка? За сон на посту у нас сам знаешь... Ты, это... плескани-ка чайку.

Обрадованный Артём проверяет помятый закопченный чайник – еще не остыл! – и наполняет эмалированную кружку знаменитым на все Метро грибным чаем. Потом, подумав, наливает и себе.

Несколько минут оба молча прихлебывают горячий отвар, грея пальцы о теплый металл, а потом младший просит:

– Пётр Андреевич, расскажите что-нибудь.

– Что-нибудь! – передразнивает его напарник. – Сказку, что ль? Про деда, бабу и Курочку Рябу?

– Почему сразу сказку? – обижается паренек. – Скажете тоже!

Он отставляет в сторону недопитый чай, достает из кармана грязноватую тряпку и принимается с преувеличенной тщательностью протирать свой старенький «калаш», поворачивая его то так, то эдак. Весь вид Артёма выражает неподдельное возмущение тем фактом, что кто-то усомнился в его взрослости. А ведь ему третий десяток пошел! Он еще до Катастрофы рожден, и даже на поверхности был однажды – уже *после*. Совсем недолго, правда, но все-таки...

Вид паренька такой комичный, что Пётр Андреевич не может сдержать добродушной усмешки:

– Не кипятись, воин! Того и гляди шапка на голове начнет подпрыгивать, как крышка на чайнике.

Артём бурчит что-то неразборчивое, но вязаную шапочку все же натягивает пониже, чем вызывает еще большее веселье старшего. Тот смеется настолько заразительно, что суровая мина паренька против воли тоже сменяется улыбкой.

– Зря ты так со сказками, Тёмка, – отсмеявшись и вытерев с глаз набежавшие слезы, качает головой дозорный. – Ведь сказки, они что?

– Что? – заинтересованно переспрашивает Артём.

– В них мудрость человеческая! – торжественно поднимает палец старший. – Недаром говорится: «Сказка ложь, да в ней намек! Добрым молодцам урок». Чьи слова, знаешь? То-то! Пушкина, брат. Великий человек был.

– Нацист, что ли? – хмурится Артём. Дескать, и мы кое-что знаем. В курсе, кто на Пушкинской обитает. И великих там – с фонарем не сыщешь!

– Нет, блин. Негр! – фыркает Пётр Андреевич и укоризненно качает головой: – Вот ты ж, дитя подземелья! Чему тебя только Сухой учит...

– Чему надо, тому и учит! – паренек тут же встает на защиту отчима. – А вам бы только издеваться!

– Ладно, не петушись... Так о чем я? Да, о сказках. Здорово за последние двадцать лет мир изменился, друг Артём. И сказки в нем теперь другие. Ты таких, поди, и не слышал. Вот, например, про деда, у которого не было бабки, зато много бабок, а еще внучка. От того дед и умер. Хотя умерли в этой сказке... короче, все умерли. Ну как, интересно?

Артём, глаза которого горят от предвкушения новой истории, кивает, весь обратившись в слух, и Пётр Андреевич, откашлявшись, начинает свой рассказ.

* * *

Правда или нет – не знаю, но челноки говорят, что жил на Кузнецком мосту один торговец. Не сказать, чтоб совсем старик, но и немолодой уже мужик – солидный, основательный, авторитетный. А уж о его лавке под названием «Универсам» на все Метро слава шла. Чего там только не было! А если чего и не было, для клиента, обеспеченного и нежадного, Макарыч – так торговца звали – готов был расстараться: у челноков или сталкеров заказать.

Жил Макарыч не один, с внучкой Алёнкой. Неродной ему девчонка была, приемной. В первые-то годы после Катастрофы много детишек без родителей остались. Вот одинокий мужик и пожалел одну такую, пригрел. Не от большой любви или из доброты душевной, конечно, по чистому расчету: несмотря на достаток, женщины в его жизни надолго не задерживались – суховат, грубоват, жадноват. А тут: и кухарка, и домработница, и помощник в магазине – да все бесплатно. Не перечит, опять же – знает, кому всем обязана.

А уж как подросла Алёнка, понял Макарыч (его к тому времени на станции все чаще просто Дедом звали): вот и еще один долгосрочный вклад неожиданно дивиденды принес. Кра-

савицей девка стала, а на красоту покупатель всегда сыщется, хоть до Катастрофы, хоть после. Если так подумать, то «после», оно даже актуальнее – с красотой-то сейчас, сам знаешь, тяжело... Опять же, родных детей Макарыч не прижил (по крайней мере, не знал о таковых доподлинно), вот и выходит – быть Алёнкиному мужу наследником всему немалому богатству Дедову. Так что к выбору мужа для внучки Макарыч подходил со всей серьезностью: не спеша, будто особо ценный товар торговал. Да вот беда: не было ни на Кузнецком мосту, ни на соседних станциях подходящей кандидатуры. Разве что Жучка с Китай-города.

То есть, разумеется, Жучкой он лет двадцать лет назад был, когда трудным подростком из подмосковной Малаховки, в день Удара на метро ехал. И некоторое время потом, когда уже к китайгородским прибил. А теперь за старую кличку иному может и в рыло прописать. Ведь Иван Жуков – хоть и не пахан, но и совсем не рядовой «браток». Заматерел, оброс полезными связями, жирком оброс... Жирка, если честно, можно бы и поменьше, а совести – побольше, но совесть не патрон, товар не шибко ходовой. Зато хитрости да сметки деловой Ивану не занимать. Одним словом, типичный бригадир или «бугор», как говорят в Треугольнике. И Алёнка ему очень по душе.

Увы, совершенно без взаимности. Девятнадцатилетней егозе, конечно, время от времени снится толстый, вечно потный и одышливый Жучка, которому в двери уже вовсю сороковник стучится, но – исключительно в кошмарах. Особенно когда раздевает девчонку не только холодными и немигающими, как у змеи, глазками. И потом, сердце Алёнки давно уже отдано Репке.

Илья Репин – самый удачливый на Кузнецком мосту сталкер. И вообще он самый-пре-самый замечательный на свете. Молодой, сильный, красивый, смелый, веселый... В общем, возьми любую черту характера противного Жучки да выверни наоборот, и получится мил-друг Илюша. Одна беда – не задерживаются в Репкиных руках патроны. Любит сталкер гульнуть на широкую ногу (особенно после удачной вылазки), поя-кормя за свой счет чуть не полстанции, никогда не отказывает, если кто в долг попросит, одежду и снарягу берет только самую лучшую и дорогую. А вот хабар, наоборот, часто задешево сдает, не торгуясь. Да и бесшабашен, жизнью не дорожит. То и дело головой рискует не за барыши даже, а просто из чистой любви к риску. Кто перед Новым годом претя на поверхность, разыскивая игрушки для станции-ной ребятни? Репка. Кто на спор от родной станции до самой Третьяковской с одним пистолетом дошел? Репка. Кого можно с легкостью на самый сумасшедший заказ подписать, банально «на слабо» взяв? Все его же, Репку. Выслушает, почешет в затылке, хмыкнет: «Да проще пареной репы!» и пойдет собираться.

Так что Дед, хоть и пользуется регулярно Илюшкиными услугами, немалые барыши с того имея, о таком зяте и слышать не хочет. Выгоды с него в этом статусе чуть, зато рисков – пальцев не хватит загигать. Во-первых, родственник – не наемник, его с легкой душой на верную смерть не пошлешь, по смешной цене добычу не скупить и втридорога понравившийся нож не впарить – люди коситься станут. Во-вторых, это давнего делового партнера в случае чего не уважить нельзя, а деду собственной жены отказать – запросто. В-третьих, ну как и впрямь остепенится Илюшка да забросит опасное ремесло сталкерское? Другого такого добытчика Деду днем с огнем не сыскать. В-четвертых, съедет Алёнка к мужу, и останется Дед на старости лет один. И скучно, и затратно – или сам стирай, готовь да штопай, или чужим за услуги доплачивай. А в-пятых (и в-главных), сталкер никогда не знает наперед, вернется ли он с поверхности. Вот изменит Репке ветренная девка-Фортуна, и сложит парень свою лобастую, коротко стриженную голову, выполняя очередной заказ. Кому нужна будет Алёнка-вдова, да еще, не приведи Хозяин Туннелей, с детишками малыми на руках? Кто их кормить-одевать станет? Дед? Ну уж дудки! Никакой любви...

Вот как-то раз приходит к Деду Жучка ни свет ни заря и объявляет: так мол и так, беда случилась. Один из «смотрящих» на Треугольнике то ли съел не того, то ли веселая девица

его одарила тем, что лучше бы при себе оставить, короче, совсем худо пахану. Братва не пожалела патронов, аж из Ганзы привезли самого авторитетного лепилу, врача то есть. Тот два часа пахана ощупывал, языком цокал, перед рожей руками крутил и мудреными словами ругался. Потом нацарапал на бумажке название какого-то лекарства – во, гляди, без пол-литры довоенной хрен выговоришь! – и сказал, что, ежели быстро начать принимать, то шансы есть. Только предупредил, что редкое очень. Не без труда загрузил в дрезину гонорар и сделал ручкой, ссс... ветило! Так что на тебя вся надежда, Макарыч! Братва, не торгуясь, заказ оплатит, но чтоб срочно.

И мешок немалый с авансом на стол – бух!

Дед, понятное дело, тут же к Репке кинулся: выручай, Илюша! Серьезные люди просят, серьезные деньги дают. Как ни крути, отказывать неразумно: и не поймут, и обидятся. Мнесто, старому, что, я пожил, а вот Алёнку жалко...

Знал Дед, на что упор сделать. Услышав любимое имя, сталкер традиционно почесал в затылке, уточнил: «Редкое, значит?» и ненадолго задумался. Пока он думал, Дед аж дышать боялся, чтоб не спугнуть удачу. Пронесло – лицо Ильи озарила шальная улыбка, а глаза загорелись, как у скрадывающего добычу кота Куклачева, не к ночи будь помянуты оба! Проговорив, будто сплюнув, свое коронное: «Да проще пареной репы!», сунул сталкер бумажку с названием лекарства в карман и отправился собираться в рейд.

Как оказалось, проще – да не совсем. Три дня и три ночи пропадал где-то Репка. Дед от волнения ногти чуть не по локоть сгрыз, Алёнка каждый час к «герме» бегала, узнать у дозорных, не слышно ли чего, Жучка – и тот дважды приходил, смотрел на всех многозначительно и сурово.

Наконец, вернулся сталкер – все патроны расстреляны, «химза» порвана да окровавлена, сам от голода и усталости аж шатается, едва ноги переставляет. Где был, что видел – о том молчок, но главное – заветные таблетки при нем. Целая упаковка!

Дед, рад-радешенек, оставил счастливую Алёнку вокруг спасителя хлопотать, а сам к заказчикам кинулся.

Не обманули китайгородские, расплатились за лекарство честь по чести. Возвращался Дед не хуже знаменитого доктора – на дрезине с сопровождением и с заверением вечной дружбы всего Треугольника. Вот, думал, повезло. Поймал удачу за хвост!

Ошибся...

Через несколько дней заходит к нему в гости оклемавшийся Репка, да под чаек грибной старый разговор заводит: отдай, Макарыч, за меня Алёнку. Дед привычно отвечает: рано еще девке замуж, да и на кого я останусь? Ну и все прочие аргументы про опасную и непредсказуемую сталкерскую долю – прицепом. Только Илья на своем стоит: я, говорит, тебя выручил, чуть голову не сложил, проклятые таблетки добываячи, теперь твоя очередь. Макарыч ему: во-первых, не бесплатно выручил. Вспомни, сталкер, сколько ты с того заказа поимел. Во-вторых, сам ведь согласился, добровольно. И я тебе кроме оговоренной суммы ничего не обещал.

Слово за слово, тон разговора все выше, аргументы все многоэтажнее. В итоге, очень нехорошо расстались Дед с Репкой. Прощедил сталкер сквозь зубы на прощание, что, раз такое дело, то отныне хабар, потом и кровью добытый, будет он кому-нибудь другому сдавать. Неужто Дед думает, что в Метро трудно скупщика найти? Да проще пареной репы!

Алёнка, вечером про этот разговор узнав, тоже на Деда накинута с воем и упреками. Правда, тут уж Макарыч не стерпел, взял ремень солдатский да разъяснил неблагодарной девчонке, на кого можно хвост подымать, а на кого и не стоит. Убежала внучка из дома в слезах, а Дед, неожиданно сам для себя, снял с самой верхней полки в лавке бутылку дорогого французского коньяка и... В общем, голова у него на следующее утро болела – не передать

как. А тут еще Жучка заявился, мрачнее вентшахты заброшенной, и прямо с порога: я к тебе с дурными вестями, Макарыч. «Колеса», что ты нам втюхал, плохими оказались, негодными.

Дед ему: что значит «плохими», что значит «втюхал»? Вы просили, мы достали. Может, и просроченные малёха, но тут уж сам понимаешь, других нет и не предвидится. Зато окаянное название с бумажки на упаковке честь по чести, вплоть до последней буковки, лично сверял.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.